

этой причине, например, жанровая палитра сетевых СМИ (да и не только сетевых) сейчас чрезвычайно скудна и однообразна. Как правило, это заметки и корреспонденции с достаточно жесткой структурой, основная цель которых — максимально кратко и доступно передать определенную информацию, обозначить конкретную проблему.

Исследование модели “журналистика как агора” требует, конечно, всестороннего подробного анализа, включающего политологические, социологические, коммуникационные, психологические и лингвистические подходы. Но очевидным остается одно: современная журналистика, массовая коммуникация претерпевают значительные изменения, которые, возможно, станут возвращением на новом уровне к ситуации агоры древнегреческого полиса.

¹ См., например: *Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики. М., 2000; *Корконосенко С. Г.* Основы журналистики. М., 2001.

² *Вартанова Е. Л.* Развитие информационного общества на постсоциалистическом пространстве // *Журналистика в 2002 году: СМИ и реалии нового века.* М., 2003. Ч. 1. С. 7.

³ См.: *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 471.

⁴ См.: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.

С. В. Солодовникова

ПРЕДМЕТ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В НАСЛЕДИИ КАРЛА ЛАМПРЕХТА

На рубеже XIX—XX вв. в немецкой исторической науке вокруг работ профессора Лейпцигского университета Карла Лампрехта (1856—1915 гг.) развернулась активная дискуссия. Для К. Лампрехта вопрос о содержании истории как научной дисциплины, об определении ее предмета, целей и задач являлся одним из принципиальных. Анализируя развитие современной ему немецкой исторической науки, в которой ведущие позиции и в конце XIX в. продолжали занимать представители политического направления, лейпцигский ученый приходит к выводу, что традиционная историография не способна проникнуть в суть

исторических явлений, объяснить их взаимосвязи и закономерности развития, ограничивается описательным подходом и вообще весьма поверхностно понимает историю¹.

Критика политического направления не была новым явлением в немецкой исторической науке последней трети XIX в.², однако именно деятельность К. Лампрехта вызвала широкий резонанс в среде буржуазных германских историков, так как он провозгласил себя главой “нового направления” в исторической науке и претендовал на выработку качественно иных методологических основ исторического исследования. Столь громкое заявление требует тщательного анализа многочисленных сочинений лейпцигского исследователя, посвященных данной проблематике.

Одной из характерных особенностей методологических взглядов К. Лампрехта был исходный пункт о единстве науки вообще, об аналогиях в развитии и единстве методов естествознания и гуманитарных дисциплин³. К последним историк относит науки, изучающие духовные процессы, духовные движения и психическую энергию, в то время как в рамках естествознания исследуется энергия физическая. Лейпцигский ученый проводит аналогию между различными науками в сферах естественно-научного и гуманитарного знания. Например, физике и химии соответствуют теология и юриспруденция, так как все эти дисциплины рассматривают физические и духовные процессы как практически неизменную систему. Позднее, с общим прогрессом научного знания и особенно биологии, они преобразовались в историческую науку и в какой-то мере усвоили понятие развития. К. Лампрехт вновь проводит аналогию: “...Очевидно, что роль исторической науки в области гуманитарных дисциплин соответствует роли биологии в структуре естествознания...”⁴.

Явным становится тяготение К. Лампрехта к позитивистской методологии, склонной находить многочисленные общие моменты в гуманитарных и естественно-научных дисциплинах. Впрочем, сам историк категорически отрицал свою принадлежность к позитивистскому направлению. С его точки зрения, культурно-исторический подход и позитивизм — это два родственных метода, которые сложились на основе общих духовных предпосылок одной и той же эпохи, однако их развитие происходило независимо друг от друга⁵. На наш взгляд, данное утверждение не соответствует действительности и своим происхождением обязано постулату К. Лампрехта о том, что истинное историческое знание не может опираться на какое-то мировоззрение, в его

основе должен лежать лишь строго определенный научный метод⁶. В то же время следует отметить, что в данном вопросе лейпцигский историк не был последователен — в ряде его работ указывается на неизбежную зависимость исторической концепции и используемых исследовательских методов от научного мировоззрения автора⁷. Позитивистская философия оказала сильное влияние на немецкую историографию последней трети XIX в., отразившись в научной деятельности Г. Шмоллера, В. Гильдебранда, К. Т. Инамы-Штернегга и других представителей преимущественно историко-экономического направления. Но в творчестве К. Лампрехта позитивистские идеи выражены более концентрированно и достигли уровня методологических обобщений.

Определяя *предмет исторического познания*, лейпцигский исследователь указывает на единство материальных и духовных факторов, пытаясь преодолеть тем самым дуалистическое мировоззрение, нашедшее яркое воплощение в исторической концепции И. Г. Дройзена⁸, популярной в конце XIX — начале XX в. К. Лампрехт предполагает опровергнуть тезис И. Г. Дройзена о противопоставлении естественно-научных методов и методов гуманитарных дисциплин, а также по-новому представить связь между историей и современностью, выйдя за рамки ее утрированного понимания, выраженного в формуле “история — наставница жизни”. Оба данных принципиальных момента предстояло реализовать в концепции культурно-исторического подхода.

С точки зрения лейпцигского исследователя, история — это наука о духовных изменениях, происходящих в человеческих сообществах. Определяя суть понятия “история”, К. Лампрехт выделяет формальную и материальную стороны в данном анализе и указывает на их тесные взаимосвязи. Под формальной стороной исследователь понимает подход к истории как таковой, способ представления исторических явлений и процессов. Форма изменяется с течением времени, она напрямую зависит от уровня развития самосознания нации, и в ее основе лежит творчество. Развитие формы К. Лампрехт видит как изменение способов представления исторической информации. Исследователь не анализирует их глубоко, он лишь намечает общую тенденцию. Так, на заре человеческой истории возник эпос, для которого было характерно воспевание героев. Его сменили анналы, “точно” фиксировавшие все события, а затем появились хроники, которым было свойственно стремление глубже осмыслить происходящее, и т.д.⁹

Наряду с изменением формы в процессе культурного развития постоянные преобразования претерпевает и содержательная сторона истории. В ее структуре преобладает научный интерес, в отличие от формальной стороны, где важнейшей является художественная составляющая. Содержанием истории К. Лампрехт называет наиболее значимые явления человеческой жизни. Эту значимость определяют многочисленные мотивы, а также некоторые постоянно и закономерно развивающиеся факторы: влияние воспитания на внутреннюю духовную и нравственную свободу, расширение представлений о мире в связи с активизацией путешествий и т.д.¹⁰

В течение столетий человеческой истории развивалось представление о явлениях исторического бытия, которые сначала рассматривались как неизменные, и лишь по мере формального прогресса исторического мышления пришло осознание того обстоятельства, что эти явления не статичны, а подвержены закономерным изменениям. Процесс осознания данного обстоятельства занял, с точки зрения К. Лампрехта, период с XIV по XV в.¹¹

Явления исторического бытия образуют основу исторического познания, так как они — действующая, активная и причинно обусловленная часть исторического процесса. Исследователь предлагает разделить их на две большие группы, из которых первую составит сумма тех явлений прошлого, которые продолжают свое существование и в дальнейшем. Ко второй группе К. Лампрехт относит явления, развивающиеся ежедневно (т.е. актуальные) — коллективную волю, коллективный разум и коллективное восприятие нации. Именно в данной группе явлений заключаются основополагающие моменты дальнейшего развития: “Только в ярких проявлениях коллективной воли прошлое может сохранить свое важное содержание, значимое для настоящего и будущего...”¹². Лейпцигский ученый считает, что исторические явления — социально-психические, духовные по своей природе. Каждое психическое действие создает определенный результат; сумма этих результатов у одного индивидуума составляет его характер, а бесконечная сумма результатов психических действий всех индивидуумов предопределяет сущность человеческого сообщества. Результаты в последнем случае являются творческим продуктом социально-психических явлений, “предметов”, которые выступают в качестве оболочки жизни человеческих сообществ, имеющей собственные внутренние закономерности. В связи с этим *предметом исторического познания* К. Лампрехт

называет регулярные ряды объективированных проявлений социально-психической жизни, которые развиваются в раз и навсегда определенной последовательности, повторяющейся в каждой крупной человеческой общности¹³. Всякая произвольность в последовательности явлений исключена, и олицетворением ее закономерности выступает, с точки зрения ученого, последовательность культурно-исторических эпох: над относительностью каждой отдельной эпохи возвышается высший абсолютный закон общего развития человеческого общества. Как над развитием растительного и животного индивидуума стоит развитие его вида в качестве некоего абсолюта, так и над развитием наций возвышается универсальная эволюция большого, единственного в своем роде процесса бытия человечества, которая задает абсолютный масштаб каждому национальному развитию.

Итак, исследователь подчеркивает, что в центре научного подхода находятся явления исторической жизни, которые следует изучать в четко ограниченном временном промежутке. Внешние события, которыми занимается политическая история, напротив, предстают с познавательно-теоретической точки зрения как периферические и концентрируют внимание на побочных моментах. Основной целью политической является сохранение возможностей внутренней и внешней жизни конкретного человеческого сообщества. Эта сфера истории выступает условием истинно исторической жизни нации, но не тождественна самой жизни. Поэтому, полагает К. Лампрехт, историческая наука, концентрирующая свое внимание сегодня только на внешних событиях, меняет местами содержание и форму и тем самым препятствует собственному прогрессу. Таким образом, только в рамках культурно-исторического подхода возможно сравнение социально-психологических факторов развития, и история культуры выступает в качестве обобщающей, систематизирующей отрасли знания по отношению к истории хозяйства, искусства, языка и т.д.¹⁴

Историк отвергает тезис о решающей роли великих личностей в истории, характерный для представителей политической историографии. С его точки зрения, главная заслуга великих личностей состоит в том, что они раньше других чувствуют потребности времени, обладают даром предвидения будущего. Но не великие личности определяют ход истории — решающая роль здесь принадлежит народным массам, деятельность которых К. Лампрехт сравнивает с нагнетанием давления в паровой машине. Именно в процессе данной деятельности возникают необхо-

димые обстоятельства культурно-исторического развития, взрывают условия коренных изменений. Только в деятельности масс можно выделить общее, типичное, закономерное¹⁵.

История — это духовная жизнь отдельного человека и народных масс, и на эту основу опираются обе стороны исторического исследования — индивидуальная и генетическая (или коллективная) история. Безусловно, их невозможно окончательно разграничить, на практике они очень тесно взаимосвязаны. Данное положение К. Лампрехт демонстрирует на следующем примере: в истории искусства эволюция стилей будет частью генетической истории, а биографии художников попадут в поле зрения индивидуальной истории¹⁶. Тот же самый принцип будет действовать и в отношении других сфер исторической жизни — экономики, политики, права и др. В этой связи исследователь рассматривает соотношение единичного, индивидуального в истории и общего, коллективного. Единичное, с его точки зрения, является иррациональным и потому не может выступать в качестве предмета исторического познания, оставаясь в рамках художественного постижения мира. Данное утверждение справедливо в равной мере по отношению и к физическому, и к психическому единичному. Собственно наука занимается исследованием всеобщего, типичного, так как именно в нем заключаются закономерности развития¹⁷.

С проблемой соотношения всеобщего и единичного, индивидуальной и генетической истории лейпцигский исследователь связывает также рассмотрение вопроса о противоречии между свободой и необходимостью, причем подчеркивает, что в сфере исторического знания данная проблема должна анализироваться не с философской точки зрения, а с позиции практического применения в методологии. Она предстает как конфликт между свободой индивидуума и необходимостью, проистекающей из окружающих данного индивидуума обстоятельств, которые, как правило, сильнее него: "...Деяния даже величайших государственных мужей мыслимы только в рамках, отведенных им определенными обстоятельствами....."¹⁸. К. Лампрехт называет историков, утверждающих преобладание свободы и индивидуума над необходимостью и обстоятельствами, радикальными индивидуалистами, а их оппонентов — радикальными социалистами и указывает на ущербность обеих точек зрения. Исследовательская деятельность несколько сглаживает непримиримость данных позиций, однако окончательно устранить ее невозможно, так как подход к решению данной проблемы зависит от общего мировоззрения учено-

го. С точки зрения лейпцигского ученого, историческое развитие происходит в процессе тесного взаимодействия личного и “обстоятельственного”, свободы и необходимости, и следует определить их соотношение для каждой культурно-исторической эпохи¹⁹.

Научные исследования в сфере истории должны концентрировать свое внимание, прежде всего, на изучении общего, типичного, массового, чтобы выявить закономерности развития. Важнейшими массовыми явлениями К. Лампрехт считает нации, которые выступают в роли носителя исторического развития. Исходя из аналогии между индивидуально-психическими и социально-психическими явлениями, историк полагает, что нации, как и индивидуумы, обладают специфическими свойствами. Они проявляются в “народной душе” (или в “национальной индивидуальности”). Именно здесь можно проследить процесс восхождения человечества от одной культурно-исторической эпохи к другой, его своеобразие, которое, как и закономерный процесс жизни человеческого индивидуума, определяется географическим положением, климатом и другими обстоятельствами. Также огромную роль здесь играют место, которое занимает тот или иной народ в системе универсально-исторических взаимосвязей, и вместе с тем фактор культурного влияния со стороны различных человеческих сообществ. Таким образом, К. Лампрехт прослеживает процесс формирования характерных особенностей, свойственных отдельным народам в рамках типичного содержания культурно-исторических эпох и всеобщего исторического прогресса.

Эпохи сменяют друг друга в строго определенной последовательности, каждая из них обладает соответствующим содержанием и проявляется в действии социально-психических факторов²⁰. Характер данного процесса обусловлен развивающейся дифференциацией нового содержания по отношению к предшествующему. В этой связи К. Лампрехт формулирует принцип возрастания контраста, на основе которого происходит переход от одной культурно-исторической эпохи к другой. Усиление контраста представляет собой рационализацию творческих достижений, которые изначально развивались на подсознательном уровне²¹.

Лейпцигский исследователь предлагает отказаться от представления о синхронности всемирно-исторического процесса у различных народов. Он складывается в ходе взаимодействия наций, являющихся носителями исторического развития. Всемирно-исторический процесс порождает и наполняет значением историческое бытие и способствует передаче культурных достижений от

одних человеческих сообществ к другим; так происходит взаимовлияние различных цивилизаций²².

Помимо характеристики содержания культурно-исторических эпох, К. Лампрехт пытается представить историю и в формализованном виде. Противопоставляя свой подход “учению об идеях”, нашедшему яркое выражение в наследии Л. Ранке, лейпцигский исследователь подчеркивает, что “наука — это не совокупность суждений, а система понятий”²³. Данная система выглядит у К. Лампрехта следующим образом: существуют элементарные исторические понятия, с которыми ученый работает ежедневно — “ленные отношения”, “денежное хозяйство” и т.д. Эти понятия принадлежат определенным культурно-историческим эпохам, отражая то общее, типичное, что характерно для данных эпох. Вместе с тем они подчинены понятию высшего порядка — культуре в смысле духовного общего состояния, которое пронизывает насквозь все духовные явления эпохи, все происходящее²⁴. В своей “Истории Германии” К. Лампрехт попытался создать данную систему понятий, однако уже современники отмечали рыхлость, незавершенность и противоречивость получившейся конструкции²⁵. На наш взгляд, весьма сомнительна возможность замены четко определенного понятийно-терминологического аппарата некой логической схемой, детали которой во многом не проработаны, а основные принципы представлены только в общем виде. Вероятно, эта попытка лейпцигского историка стала естественной реакцией на несовершенство и размытость понятийно-терминологического аппарата в немецкой буржуазной историографии конца XIX — начала XX в., однако своей цели — упорядочения понятийного аппарата — она не достигла.

Определяя место исторического знания в системе наук, К. Лампрехт отмечал его тесное взаимодействие с этнологией, психологией и физиологией. Две последние дисциплины исследуют человека и народные массы, которые выступают в качестве субъекта исторического развития, и поэтому, оказывая значительное влияние на становление исторической науки (более того, психологию лейпцигский исследователь считал основой истинного исторического познания), весьма четко от нее отграничены. Значительно труднее провести грань между историей и этнологией, так как обе дисциплины изучают народную жизнь. К. Лампрехт видит эту грань в моменте этнического развития, когда “...народ становится историческим, т.е. когда он учится осознавать себя исторически.....”²⁶. Внешним признаком данного процесса исследователь считает появление исторической традиции. Та-

ким образом, развитие народа до момента своего исторического осознания — это сфера этнологии, а следующий этап принадлежит исторической науке.

Главной *целью исторического исследования*, с точки зрения К. Лампрехта, является преодоление описательной истории, выработка генетического подхода, посредством которого можно определить закономерности исторического развития. Соответственно, *задача исторической науки* — упорядочение хаоса бесконечного множества событий человеческого бытия, выделение ведущих линий его эволюции и его целостное представление. Решение данной задачи достигается в ходе исследования отдельных участков процесса исторического развития. Большая его часть заключается в передаче культур от одних народов к другим, т.е. в социально-психических явлениях, которые доступны исследованию. Данная задача исторической науки разрешима лишь частично, и, исходя из этого, историк в состоянии скорее увидеть общий ход событий, чем проникнуть в его глубинную сущность. Задачей истории является также определение закономерностей всеобщего и видового развития. История обращается к природному целому как к развивающемуся объекту, и в качестве данного объекта выступает человечество в целом²⁷. Всемирная история признается уникальным процессом. Это требует, с точки зрения К. Лампрехта, выработки единого критерия, на основе которого будет определено место каждого народа в универсальном историческом развитии. Данный критерий может быть найден только в повторяющихся моментах существования всех человеческих сообществ и выступит в качестве “типа народного бытия”. Выделив типичное в жизни данной нации, необходимо установить ее характерные особенности и тем самым выявить позицию отдельного народа во всемирно-историческом процессе²⁸. Методы, при помощи которых будет осуществляться данная задача, применимы также к определению культурно-исторических эпох, в рамках которых происходит развитие²⁹.

Таким образом, К. Лампрехт определил предмет исторической науки как духовную жизнь народа, под которой понималась совокупность всех сфер человеческого бытия, однако доминантой признавалось психическое развитие. На наш взгляд, данный постулат с очевидной наглядностью демонстрирует, что мировоззрение лейпцигского исследователя было идеалистическим в своей основе, и попытки оппонентов обвинить К. Лампрехта в материализме³⁰ являлись абсолютно несостоятельными. Методологическая основа исторических взглядов лейпцигского ученого,

очевидно, формировалась под сильным влиянием позитивизма, но вместе с тем несла в себе и отпечаток неоромантических тенденций. Сформулированные им цели и задачи исторического исследования исходят из так называемого генетического принципа, который, на наш взгляд, вполне правомерно соотносить с принципом историзма, а также из признания закономерности исторического процесса. Решение поставленных К. Лампрехтом задач должно было вывести историческое знание на качественно новый уровень развития. Его идеи повлияли на развитие американской исторической науки, в какой-то мере — на становление “школы анналов”, но в самой Германии оказались незаслуженно забытыми на долгие годы — первые сборники методологических работ К. Лампрехта появились здесь только в 70—80-е гг. XX в.

¹ См.: *Lamprecht K. Zur universalgeschichtlichen Methodenbildung* / K. Lamprecht // Karl Lamprecht. *Alternative zu Ranke: Schriften zur Geschichtstheorie*. Leipzig, 1988. S. 374.

² См. подробнее: *Вайнштейн О. Л.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979; *Вебер Б. Г.* Историографические проблемы. М., 1974; *Гутнова Е. В.* Историография средних веков. М., 1986.

³ *Lamprecht K. Die Kulturhistorische Methode*. Berlin, 1900. S. 6—7.

⁴ *Ibid.* S. 13.

⁵ *Ibid.* S. 33.

⁶ *Lamprecht K. Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft* / K. Lamprecht // Karl Lamprecht. *Alternative zu Ranke*. S. 155.

⁷ См.: *Lamprecht K. Zur Einführung in das kulturgeschichtliche Verständnis der Gegenwart* // *Ibid.* S. 123; *Vorwort zur Deutschen Geschichte*. Bd 1, 2. Aufl. / *Ibid.* S. 126.

⁸ См. подробнее: *Droysen J. G. Texte zur Geschichtstheorie*. Göttingen, 1972. 92 S.

⁹ *Lamprecht K. Über den Begriff der Geschichte* / K. Lamprecht *Ausgewählte Schriften zur Wirtschafts- und Kulturgeschichte und zur Theorie der Geschichtswissenschaft*. Aalen, 1974. S. 574.

¹⁰ *Ibid.* S. 575.

¹¹ *Ibid.* S. 576, 581.

¹² *Lamprecht K. Das Arbeitsgebiet geschichtlicher Forschung* / K. Lamprecht // Karl Lamprecht. *Alternative zu Ranke*. S. 209.

¹³ *Idem.* Über den Begriff der Geschichte. S. 579.

¹⁴ *Idem.* Was ist Kulturgeschichte? / *Idem.*: *Ausgewählte Schriften*. S. 327.

¹⁵ *Idem.* Über den Begriff der Geschichte. S. 584.

¹⁶ *Idem.* Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft. S. 150.

¹⁷ *Idem.* *Geschichtliche Methode des Herrn von Belov*. Berlin, 1899. S. 14.

¹⁸ *Idem.* Zur Einführung in das kulturgeschichtliche Verständnis. S. 121.

¹⁹ *Ibid.* S. 123.

²⁰ *Idem.* Das Arbeitsgebiet geschichtlicher Forschung. S. 211.

²¹ *Idem.* *Deutsche Geschichte*. Bd 8. Berlin, 1902. S. 62—63.

²² *Idem.* Über den Begriff der Geschichte. S. 582.

²³ *Idem.* Die Kulturhistorische Methode. S. 25.

²⁴ *Ibid.* S. 26.

²⁵ См.: *Lenz M.* Lamprechts Deutsche Geschichte. 5. Band / M. Lenz // Historische Zeitschrift. Berlin, 1896. Bd 77. S. 422.

²⁶ *Lamprecht K.* Was ist Kulturgeschichte? S. 302.

²⁷ *Idem.* Über den Begriff der Geschichte. S. 589.

²⁸ *Idem.* Die Kulturhistorische Methode. S. 44.

²⁹ *Idem.* Die Kulturhistorische Methode. S. 45.

³⁰ См.: *Belov G.* Rezension Karl Lamprecht, Deutsche Geschichte. Bd 1—3 / G. Belov // Historische Zeitschrift. 1893. Bd 35; *Hintze O.* Über individualistische und kollektivistische Geschichtsauffassung / O. Hintze // Historische Zeitschrift. 1896. Bd 77. S. 60—67.

А. В. Акульшина

**ФРАНЦИЯ И ГЕРМАНИЯ В НОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ
СТАРТЕ В 1956—1958 годах:
(К истории создания Евратома)***

Вехи европейской интеграции тесно связаны с перипетиями франко-германских отношений. Создание первого Европейского сообщества — Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) по инициативе Р. Шумана, министра иностранных дел Франции, К. Аденауэр назвал “краеугольным камнем дружбы, так тесно соединившим наши народы”¹. “Германский вопрос” был в сердце процесса европейской интеграции для Франции. Постепенно начал создаваться так называемый “франко-германский мотор” европейского интеграционного процесса. Итогом объединения усилий двух стран стало подписание Римских соглашений в 1957 г.

В апреле 1955 г. министр иностранных дел Бельгии П. А. Спаак сделал официальное заявление о программе нового европейского старта, которая предусматривала создание двух европейских сообществ: экономического (Общий рынок) и сообщества по атомной энергетике (Евратом).

Разработку проектов договоров о создании сообществ сдерживал комплекс противоречий между европейскими странами. Наиболее существенными были расхождения между позициями Франции и Германии. К 1955 г. позиция Германии была существенно усилена в связи с подписанием и ратификацией Париж-

* Статья публикуется при поддержке гранта Минобразования РФ РД 02-3.14-31 “Франко-германский диалог в процессе европейской интеграции 40—60-х гг. XX века”